

Т. В. Полянина

**Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины
в трудах первых русских славистов
(Н. И. Надеждин и И. И. Срезневский)**

Проблема межславянских связей — одна из важнейших в современном славяноведении. Любопытной и увлекательной страницей в истории русского славяноведения является история ознакомления первых русских славистов с Закарпатской Украиной и Галичиной. Этот вопрос представляется тем более важным, что в современном русском и украинском славяноведении он находится либо в забвении, либо превратно толкуется¹. Русские ученые, совершившие в 30—40-е годы прошлого столетия путешествия по славянским землям, были «пионерами славянского движения» (А. Н. Пыпин). И. И. Срезневский, П. И. Прейс, М. О. Бодянский, В. И. Григорович, Н. И. Надеждин объездили славянские страны (а Срезневский почти обошел их пешком). Они были захвачены идеей так называемого «славянского Возрождения» и проявили особенный интерес к самым отдаленным уголкам славянского мира — Закарпатья и Галичине. Они первые дали обзор этих стран и народа, коснулись исторических судеб этой части славянства.

Критик и этнограф Н. И. Надеждин (1804—1856) был ученым-славистом, почетным членом Сербской Матицы. Он побывал в Закарпатье в 1841 г. В Вене он встретился с И. И. Срезневским. В своих отчетах и выступлениях² он описывает свои впечатления и вместе со Срезневским кладет начало научному изучению «русских вне России»³. И. И. Срезневский (1812—1880) — филолог и лингвист, почетный член Чешской, Сербской, Иллирийской Матиц, друг Ганки и побратим Врза, первый доктор славяноведения в России (звание, которым он гордился) в 1839—1842 годах совершает путешествие в славянские земли. Летом 1842 г. он был в Ужгороде, Мукачево. Через Сколе и Стрый он отправился во Львов. В Закарпатье и Галичине молодой ученый завязывает

¹ Один из многих примеров неисторического подхода к оценке первых русских славистов мы находим в докладе Л. А. Коваленко на 3-й Межвузовской конференции историков-славистов в Воронеже на тему «Вопросы истории южных и западных славян в освещении украинских историков». Информация о докладе в журнале «Советское славяноведение», 1966, № 4.

² Н. И. Надеждин. Записка о путешествии по южно-славянским странам (1842); его же. Отчет о путешествии, совершенном в 1840—1841 годах по южно-славянским землям (1844); его же. Об этнографическом изучении народности русской (1847).

³ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1963, ч. 11, стр. 183.

дружеские и ученые контакты с М. Лучкаем, А. Духновичем (которого посетил 2 июня 1842 г. после свидания с Л. Гаем), Д. Зубрицким, братьями Головацкими, И. Вагилевичем, И. Левицким. «Братом» называет его И. Головацкий, а Я. Головацкий посвящает ему программное стихотворение «Русский з руським повстрічався...» Срезневский интересуется состоянием культуры и литературы этих краев, библиотеками и архивами Ужгорода, Мукачева, Львова. Его отчеты, статьи⁴ дают яркое представление об этих очагах славянской культуры. Справедливо отметил В. А. Францев: «В этнографических вопросах Закарпатской Руси он разобрался основательно»⁵. И в советском славяноведении эта сторона деятельности Срезневского получила должную общую оценку⁶. Но в то же время, несмотря на обилие сборников и статей, посвященных И. И. Срезневскому⁷ в дореволюционной критике, многое в его научном наследии требует дополнительного изучения. Менее привлекал исследователей как ученый-славист Н. И. Надеждин. Правда, еще Ф. Ф. Аристов в 1914 г. указывал на приоритет Надеждина в постановке важнейших вопросов истории и культуры Закарпатья, в частности вопроса о происхождении русского имени в Угорской Руси⁸. Труднодоступной является статья В. А. Францева «Югославянское путешествие Н. И. Надеждина»⁹. Однако и его роль в славяноведении также высоко оценена советскими учеными. М. К. Азадовский особо отмечает значение речи Н. И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности русской», произнесенной в Географическом обществе в 1846 г. Эта речь положила начало «изучению русского народа вне официальных пределов России»¹⁰.

В трудах Надеждина и Срезневского более, чем в работах других славистов 30—40-х годов XIX в., выявляется интерес к Закарпатья и связи его с Галичиной. Независимо друг от друга русские ученые правдиво, объективно знакомят научную общественность России с жизнью родственных народов — «кровных братьев наших и по народности и по своим древним воспоминаниям» (Срезневский). Их отчеты, статьи, речи сочетают в себе теоретические высказывания о предмете и задачах молодой науки славяноведения и большой материал ценнейших наблюдений. Как правильно заметил М. К. Азадовский, их отчеты — «яркий памятник тенденций и настроений, под влиянием которых развивалась русская филологическая наука в 60-е годы»¹¹. Подлинным открытием

⁴ И. И. Срезневский. Донесение 5-е, из Кракова, от 2 августа 1842 г.; Вступительная лекция, в Харьковском университете 16 октября 1842 г.; Публичные чтения о славянах, 1843; Русь Угорская. Отрывок из опыта географии русского языка, 1852.

⁵ В. А. Францев. И. И. Срезневский и славянство, Сб. «Памяти И. И. Срезневского» Пг., 1914, кн. 1, стр. 144.

⁶ М. К. Азадовский пишет о результатах путешествий ученого: «Все эти письма, отчеты, отдельные статьи, которые он публиковал в русских журналах, показывают, с какой поразительной быстротой разобрался Срезневский во всей обстановке, оценил ведущуюся работу и определил ее сильные и слабые стороны» (История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 324).

⁷ А. Кочубинский. Записка о путешествии по славянским землям, Одесса, 1874; А. Липовский. Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель, СПб., 1895; И. Ягич. История славянской филологии. Энциклопедия славянской филологии, вып. I, СПб., 1910; А. Н. Пыпин. Литературный панславизм, «Вестник Европы», СПб., кн. 8, март и др.

⁸ Ф. Ф. Аристов. Значение А. В. Духновича как угро-русского историка, «Русский архив», 1914, кн. 2. Автор настоящей статьи пользуется определением «Угорская Русь», который бытовал в XIX в. вместо термина «Закарпатская Украина».

⁹ Sborník filologický, d. 10, Praha, 1934—1935.

¹⁰ М. К. Азадовский. Географическое общество в истории русской фольклористики, сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», «Наука», М., 1965.

¹¹ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, ч. II, М., 1963.

было описание истории, культуры, литературы Закарпатья (меньше говорится о Галичине). При своеобразии каждого из ученых в методе их исследования и выводах наблюдается единомыслие и общность. Первые русские слависты отражают ранний, романтический этап в славяноведении. Он связан с поэтизацией национального быта, идеализацией народных начал и традиций. Недаром А. Н. Пыпин назвал это «народным романтизмом». В основе мировоззрения первых славистов были абстрактные идеи общественного блага, мирового прогресса. В крайне неблагоприятных политических условиях изучения славянства (вспомним циркуляр Министерства народного просвещения 1842 г.)¹² ученые вынуждены были ограничиваться вопросами археологии, этнографии, языка. Потому так мало в отчетах Надеждина и Срезневского названо имен, так осторожно касаются они политической жизни славян Австро-Венгерской империи. Еще И. Ягич заметил, что в письмах из Венгрии Срезневского много недосказанного. Глухо и бегло, боясь навлечь гонения на своих друзей, говорят русские слависты о «незавидном житье» русских в Закарпатье¹³. Слово «русняк», писал Надеждин, означает самую низшую ступень человечности в глазах иноземных работодателей. Бесспорно, что элементы консерватизма во взглядах Надеждина и Срезневского также ослабляли интерес к вопросам политическим и социальным. Но и сама эпоха, условия места и времени выдвигали на первый план задачи национально-освободительной борьбы и прежде всего возрождения национальной культуры и языка. Это чувствовали первые слависты.

Важнейшей стороной их деятельности является практическое, наглядное изучение славянских народов. Они считают первоочередной задачей идти в народ, вслушиваться в его речь, пословицы, песни, предания. Эта программа была ранее намечена П. И. Кеппеном.

В статьях Надеждина и Срезневского говорится о «наглядном созерцании местности и людей» как первооснове выводов и обобщений. Это сочеталось с глубоким и тщательным изучением разнообразных исторических свидетельств и источников — русских летописей¹⁴, трудов западных славистов¹⁵, источников немецких, латинских, венгерских¹⁶. И, что особенно важно, — русские слависты в лице Надеждина, Срезневского с огромным интересом относились к местным источникам¹⁷. Комплексное исследование истории, этнографии, фольклора, письмен-

---

¹² Отношение правительства к славянской науке было выражено следующим образом: «Русское славяноство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которою злоумышленники стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей». («Русский архив», т. II, 1892, № 7, стр. 348).

¹³ Слово «русские» в отношении закарпатских украинцев и галичан широко употреблялось в XIX в. Гоголь писал: «Еще до Карпатских гор услышишь русскую мольву, и за горами еще кой-где отзовется как будто родное слово...» (Собр. соч. в 6-ти томах, т. I, М., 1952, стр. 175). В научной литературе оно также употреблялось. Это обозначение сохраняется в трудах многих советских ученых. См. М. К. Азадовский. История русской фольклористики, сб. «Очерки истории русской фольклористики, этнографии, антропологии»; Н. В. Водовозов. Русские писатели в Чехословакии, Ученые записки МГПИ им. Ленина, М., 1962 и др.

¹⁴ В работах Надеждина и Срезневского встречается много ссылок на «Повесть Временных лет», «Воскресенский летописец», Полное собрание русских летописей и др.

¹⁵ Названы сочинения П. Шафарика „Slovanski Starozitnosti“, 1837 (1877). Ф. Палацко, В. Копитара, С. Б. Линде, В. А. Мазеевского.

¹⁶ Упоминаются сочинения Герберштейна (S. Herbersteinii, Rerum Moskovitarum Commentarii). История Катона, Narbut, Thille и др.

¹⁷ Для Срезневского труды Базилевича „Notitae fundationis Tirodori Koriatovitis“ М. Лучкая были важнейшим историческим источником.

ности и языка приобретало, таким образом, широко и глубоко аргументированный научный характер. Эти ученые первые обосновали научное и идейное значение изучения славянства. «Горячий славянолюбец» Срезневский видел в этом «долг гражданский и долг, налагаемый не только славянским чувством, но и современной образованностью». Отнюдь не утверждая исключительности славянства, не страдая ограниченностью позднейших панславистических кругов, осмеянных А. И. Герценом в «Былом и думах», русские слависты видят цель науки славяноведения в том, чтобы «приурочить людское к народному и через то обозначить «общечеловеческое» (Надеждин)¹⁸. Срезневский в своем обращении к молодому поколению будущих славистов призывает их уважать каждую народность. Он справедливо полагал, что это «внушает невольное уважение к своей собственной»¹⁹.

Славянское чувство — это пробуждение самосознания народов, рожденное эпохой 1812 г. Упрекая соотечественников в забвении «памяти и сознания нашего кровного родства с огромною массою братьев», Надеждин пишет о восторженном чувстве, охватившем его в Закарпатье. Ему открылся «свет», пришло «прояснение» важнейших сторон истории и культуры России.

Первые слависты не замыкались в узком кругу национальных интересов. «Вопрос о славянстве стал вопросом европейским», — писал Срезневский. Он же говорил о славянах: древнее племя в Европе, первый земледельческий народ, отважный и смелый, века защищающий Европу от татар и турок, славяне внесли свой вклад в мировую культуру. Они снабжают мотивами всех музыкантов в Европе, народная поэзия славян находится на степенях совершенства. Изучение славянства необходимо для полноты характеристики общеевропейской народности. Более ста лет тому назад Срезневский пророчески писал: «Славяне могут занимать свое собственное место в чреде народов, действующих на мир мыслью и словом»²⁰.

Идея славянской взаимности, столь популярная у западных славистов (Ян Коллар, В. Ганка, П. Шафарик), воодушевляла и русских ученых. Не случайно именно Закарпатье так заинтересовало и Надеждина, и Срезневского. Они увидели там много неопровержимых доказательств общности культуры и языка, признавая при этом, что закарпатские русины — это «малороссийская особность» (Надеждин) славянского племени, но в самом слове «русин» сохранилось свидетельство общего древнего имени восточных славян — Русь. Потому в их трудах обычно употребляется слово «русский» по адресу закарпатцев и галичан. Это — «родные братья малороссиян, однокровные дети старой Руси», «по народности, и по воспоминаниям» (Срезневский). С радостью и удивлением рассказывают путешественники, что «в Карпатах и за Карпатами живут наши кровные, родные братья, русские, такие же, как и мы, которые сами себя называют «русинами», которых немцы зовут «Ruthenen», мадьяры величают «ogosz»²¹. Этим словам Надеждина вторит Срезневский: на восток от Ужгорода, сообщает он, «живут люди русские в полном смысле этого слова»²². Исследователи четко

¹⁸ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской. Записки Русского Географического общества, 1847, кн. 11, стр. 67.

¹⁹ И. И. Срезневский. Публичные чтения о славянах, «Денница», Варшава, 1843, ч. II, кн. 11, стр. 140.

²⁰ Там же.

²¹ Н. И. Надеждин. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. Записки Одесского общества истории и древностей, т. I, Одесса, 1844, стр. 545.

²² И. И. Срезневский. Русь Угорская. Вестник Русского Географического общества, СПб., 1852, кн. I, стр. 6.

определяют географические границы поселений русских в северо-восточной Венгрии, в самом языке народа находя подтверждение кровного родства. «В Закарпатье,— писал Надеждин,— свято берегут русское имя». Несмотря на множество местных названий (гуцулы, верховинцы, бойки) не заглашается «общее имя — Русь» (Срезневский). Самое слово «русин», одинаково народное в Галицкой и Венгерской Руси,— свидетельство исконных древних связей украинцев Закарпатья с русским народом. Надеждин приводит народные пословицы, которые говорят о бережном сохранении в Карпатах и за Карпатами русского имени.

Русский человек, говорит он, всегда с гордостью объявит и назовет себя русским: «На мою русску душу правда!», «А бых не русин був, коли неправда». Насколько глубокоим было это наблюдение, подтверждает стихотворение А. Духновича «Вручание».

Представляя в целом «малороссийскую народную особенность», население Закарпатья, по мнению Надеждина и Срезневского, имеет много своеобразия в языке. Сохранение многих древнерусских форм делает этот язык «ближе и понятнее нам, великороссам, чем наречие украинское»,— пишет Надеждин. Широко трактуя понятие географии русского языка, Срезневский в обстоятельной статье «Русь Угорская» анализирует фонетические и грамматические формы, сохранившие те древние элементы, которые утрачены в современном русском языке. Этот язык близок и понятен каждому славянину, говорит ученый, и делает вывод: «Житель Харькова может разговаривать с жителем Ужгорода, как разговаривают москвич с коломенцем, и русский с Байкала поймет бескидского горца так же легко, как чех словака»²³. Эти широко известные и часто цитируемые слова Срезневского основаны на личных наблюдениях и продиктованы благородным стремлением показать братство славянских народов.

Сохранившееся общеславянское начало связано, по мнению Надеждина, историка и этнографа, со своеобразием исторических судеб славян Австро-Венгрии. Несмотря на то, что эта Русь вышла из того круга, в котором народности русской предназначено существование самобытное, «она в самых дробных мелочах своих обычаев сближается с нами»²⁴. Аргументация этого положения составляет основное содержание статьи «Об этнографическом изучении народности русской». Примерам сходства в обычаях, обрядах, приметах, сказках, как справедливо говорит Надеждин, «не будет конца». Опираясь на данные сравнительно-исторического метода, Надеждин находит отголоски старых исторических преданий в топонимии, указывая, что «между этнографией и историей существует постоянное, непрерывное соотношение и взаимодействие»²⁵. Жители Закарпатья — «малороссийская особенность»²⁶, являющая не только в языке, но и в обычаях наглядные примеры сходства «с особенностями народности собственно великороссов»²⁷. Параллели, сравнения — все убедительно говорит о духовной и культурной близости народов, утверждает идею славянской взаимности. В национальном характере венгерских русинов, в особенностях нравов Надеждин усматривает черты близости к психологическому складу русского национального характера. «Славянская жизнь не только звучит

²³ И. И. Срезневский. Донесение 5-е, из Кракова, от 2 августа 1842, стр. 47.

²⁴ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской, стр. 102.

²⁵ Там же, стр. 112.

²⁶ Там же, стр. 99.

²⁷ Там же, стр. 102.

в народном слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта»²⁸.

В своих трудах русские ученые дают интереснейшие сведения об истории Угорской Руси. Срезневский, как и Духнович, почти одновременно с ним и независимо от него, выдвигает теорию автохтонности славянского населения в Закарпатье, перекликаясь с идеей П. Шафарика об исконности славянских племен в Европе. Эта идея опровергала утверждения многих немецких и венгерских буржуазных историков. Надеждин, в свою очередь, еще ранее, высказывает догадку, что венгерские русины «до начала нашей книжной истории отрезались оплотом Карпата от своих прочих братьев» и представляют остатки древнего народонаселения. Строго документальный экскурс Срезневского в историю Закарпатья (статья «Русь Угорская») содержит доказательство того, что русская стихия простиралась на юго-запад, по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяр в Паннонию.

Полемизируя с венгерскими историками, оправдывающими господство мадьяр историческим правом, Надеждин писал: «Мадьяры не привели сюда русских, а нашли их здесь, осилили»²⁹. В исторической концепции Надеждина и Срезневского, при известной ограниченности, обусловленной временем и состоянием исторической науки, важно здоровое начало — борьба с националистическими, шовинистическими тенденциями (это особенно характерно для Надеждина) и стремление установить объективную истину: славяне — исконные хозяева земли, задолго до мадьярского нашествия принявшие христианство. Значительна роль Ф. Корятовича в укреплении славянской жизни, имя его упоминается в статье Срезневского «Русь Угорская». «В борьбе с австрийскими, польскими, турецкими поработителями особую роль в истории сыграли гуцулы — наиболее одаренная часть народа. Именем гуцула гордятся жители восточного погорья Бескидов», — писал Срезневский. Он правильно оценил пагубное значение унии в жизни славянских народов, отметив, что правящие классы предали интересы народа: «Русины составляют почти исключительно только массу простого народа»³⁰.

Русские путешественники по славянским землям сумели войти в курс современной им жизни Закарпатья и Галичины, хотя опять-таки в их статьях говорится прежде всего об Угорской Руси. Они знакомятся лично с закарпатскими и галицкими просветителями. В работах Срезневского дана оценка той части закарпатской интеллигенции, которая не порвала духовной связи с народом. Преимущественно это были представители духовенства, наиболее образованная часть народа. В архиве Срезневских, по свидетельству И. С. Свенцицкого, хранились автографы А. В. Духновича, В. Попович в оценке Срезневского — «муж просвещенный, имеющий хорошую библиотеку». Подробно рассматривает русский ученый «Славяно-русскую грамматику» М. Лучкая, ее сильные и слабые стороны. Особенно ценным он считает народные пословицы, данные в приложении. Надеждин и Срезневский подчеркивают, что просветительские цели свойственны не отдельным личностям, а большой группе людей, «посвящающих себя литературным занятиям». Во вступительной лекции в Харьковском университете Срезневский говорит о значении деятельности Ю. Венелина, которого «нельзя забыть», о «молодых людях» во Львове, которые понимают четыре главных славянских наречия (русское, польское, чешское, серб-

²⁸ Н. И. Надеждин. Записка о путешествии по южно-славянским странам, стр. 91.

²⁹ Там же, стр. 103.

³⁰ И. И. Срезневский. Русь Угорская..., стр. 12.

ское) и тем способствуют славянскому содружеству. Достойных представителей имени русского называет Надеждин в своем «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским странам». Это Ю. Венелин, ознаменовавший себя на поприще наук, «ученый с оригинальным взглядом на мир южно-русский». «Славянская душа и горячий русский энтузиазм»,— говорит о нем Надеждин, а М. А. Балудьянский «добросовестно подвизается на поприще государственной службы». (Он был близок к М. Сперанскому). Кроме того, автор упоминает И. С. Орлая, выходца из Угорской Руси, одного из воспитателей Гоголя.

Осведомленность русских ученых в современной жизни Закарпатья оказалась в упоминании имен многих и многих деятелей — «любителей народности, ревнителей народной образованности и народного языка». В трудах Срезневского мы встречаем имена А. Бачинского, А. Ильковича, И. Пастеля, Г. Тарковича, М. Табаковича, И. Кутки, А. Почы и других. Понимая, что в силу политических и исторических обстоятельств Закарпатья духовенство в нем являлось хранителем национальной культуры и языка, Срезневский ценит в проповедниках их стремление «быть полезными народу». С этим связана одобрительная оценка Ст. Андруховича, И. Григоровича и, в особенности, М. Лучкая, защищавших право на народный язык.

Русский ученый понимает скромные возможности пропаганды национальной культуры в условиях Закарпатья, но верит в то, что после событий 1848—1849 годов невозможно остановить процесс национального возрождения, и молодое поколение сумеет поставить более широкие задачи. Отдельные намеки, штрихи, высказывания в трудах славистов воссоздают атмосферу общественной и политической жизни Угорской Руси при всей запретности подобной темы. Надеждин пишет о «постоянном, систематическом истреблении всего славянского в Венгрии»³¹. Политическое и национальное бесправие русинов вызывает у Срезневского мысли о бедственном положении их, отделенных от соплеменников и предоставленных, «как чернь», самим себе. Господствующие классы презрительно относятся к русином: «Имя русских,— пишет Надеждин,— покрыто здесь прахом глубочайшего унижения»³². Русские путешественники сумели много увидеть: и отсутствие школ на народном языке — «свои, народные училища им иметь не дозволяется», и денационализацию дворянства — «в высшем обществе царит язык венгерский и немецкий»,— и отсутствие средств для просвещения. Основное население городов является не русским. Сельское население, состоящее из русинов, сохраняет патриархальные формы ведения сельского хозяйства. Свои промыслы оно ведет «без помощи фабрик и мануфактур и с стариною быта и обычаев сохраняют и старину нравов, понятий, поверий, преданий, воспоминаний»³³.

При изучении страны и народа русские славяноведы придают большое значение состоянию литературы. Они отмечают «жалкое» положение письменности Закарпатья. Но это связано отнюдь не с отсутствием талантов. Состояние литературы тесно связано с политическими и общественными условиями жизни, и ее успехи возможны только при успехах просвещения и притом просвещения народного,— считал Срезневский. Тщательно, с большим интересом собирают Надеждин и Срезневский сведения о письменности и литературе Угорской Руси и при этом обнаруживают замечательные факты. Изучая рукописи и библи-

³¹ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской, стр. 545.

³² Там же, стр. 104.

³³ И. И. Срезневский. Русь Угорская..., стр. 12.

отеки Львова, Срезневский нашел жизнеописание св. Кирилла, автором которого, по его мнению, является закарпатский русин. Надеждин выдвигает теорию закарпатского происхождения «Слова о полку Игореве». В издании «Русалки Днестровой» Срезневский усмотрел «отголосок желаний литераторов галицких трудиться сообща, первое собрание их трудов»³⁴, то есть пробуждение общественных и патриотических чувств. Большие надежды возлагаются на литературную молодежь, от которой требуется прежде всего умение владеть языком народа. В статье «Русь Угорская» Срезневский пишет: «О письменности Угорской Руси можно сказать мало, и лучшее из этого малого — надежды на будущее»³⁵. Вера в будущий расцвет культуры Закарпатья (хотя конкретных путей к будущему ученый не указывает) звучит в обращениях к молодому поколению. Их новые литературные труды «дадут новое значение восточному погорью Карпат в географии языка и словесности русской»³⁶. Каждый факт в проявлении национального самосознания радует ученого: А. Довгович, сообщает он, собирает народные песни, А. Попович написал несколько прекрасных элегий под названием «Смутки» и большую поэму «Текелей». Молодой клирик Герасим Свит свои поучения произносит на языке чисто народном.

Особое значение в славяноведении 30—40-х годов придавалось народному творчеству. Для этнографа Надеждина, знатока украинского фольклора Срезневского народная поэзия—сокровищница дум и чувств народа. Идея величия и духовной мощи народа определяет направление поисков русских ученых. В песнях и пословицах Угорской Руси Надеждин ищет отголоски общей истории славян, их древних обычаев и нравов. Пословицы и поговорки отражают черты общественной и экономической жизни русинов («Бог высоко, а царь далеко» и др.), их психологию, славянское самосознание («На мою русску душу правда»). В песнях, заклинаниях, прибаутках Надеждин усматривает «факт повсюдного единства и тождества народности русской»³⁷. Племена, разделенные временем, пространством, политикой, имеют глубокие связи в обычаях, песнях, языке.

Срезневский в разделе о народном творчестве статьи «Русь Угорская» подчеркивает «особую развитость музыкального чувства между южнорусским народом». Нигде оно не развито так, как там, «в горах Бескидских, где его лелеет эхо утесов и лесов, где ни одно счастливое созвучие не замрет не услышанное»³⁸. Не только анализ различных жанров народного творчества, но и собирание его и публикация — большая заслуга Срезневского. Он знакомит русского читателя с образцами закарпатского фольклора, многими песнями («Пишлы вивци в полон», «За гурую високою мясячок стемнився», «В Мукачевском замку знав jem Марианку» и др.)³⁹.

В Закарпатье и Галичине русские путешественники и ученые, как и в других славянских землях, встречают необычайно теплый и дружественный прием. Надеждин и Срезневский в своих выступлениях говорят о горячих симпатиях к русскому народу, его культуре и языку. У всех просвещенных людей Закарпатья Надеждин находил, как он свидетельствует, «хоть одну нашу русскую книгу». При крайней затрудненности получения книг из России и преследовании этих книг, рас-

³⁴ И. И. Срезневский. Донесение 5-е, из Кракова, от 2 августа 1842 г., стр. 57.

³⁵ И. И. Срезневский. Русь Угорская..., стр. 23.

³⁶ Там же, стр. 28.

³⁷ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской..., стр. 112.

³⁸ И. И. Срезневский. Русь Угорская..., стр. 9.

³⁹ Сохраняется правописание И. И. Срезневского.

сказывает Надеждин, интерес к русской литературе очень велик, особенно к Ломоносову, Карамзину. Приобретение «Истории Государства Российского» является «верхом желаний всякого просвещенного русняка». И надо полагать, что этот интерес к «Истории» Карамзина был вызван прежде всего ответным стремлением закарпатского народа узнать Россию. В «самом дальнем и глухом крае мира русского» Надеждин увидел проявление идеи братства народов.

В истории русского славяноведения деятельность первых русских славистов была оценена в дореволюционной критике как «подвиг беспримерный» (И. Ягич). Несмотря на известную ограниченность их политических взглядов, Надеждин и Срезневский много сделали для научного изучения славянства, для укрепления идеи славянского содружества. Их путешествия в Закарпатье и Галичину, дружеские и научные контакты, отчеты-статьи были лишены великодержавных тенденций и по сегодняшний день сохраняют научное значение. Широкий круг научных проблем, доброжелательность и объективность, установление перспектив дальнейших изучений и связей характерны для названных выше трудов первых славяноведов России. Пропаганда идей славянской взаимности, плодотворность которой проявилась в дальнейшем ходе истории, в наше время нашла свое выражение в содружестве стран социалистического лагеря.

Кафедра русской литературы Львовского университета
